

УДК 821.161.1.09

ЛЮДМИЛА МАЦАПУРА

(Херсон)

ТРАДИЦИИ ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Е. П. ГРЕБЁНКИ

Ключові слова: готичний роман, історичний роман, історична повість, готична традиція, мотив, поетика.

Влияние жанра готического романа на русскую литературу первой половины XIX века нуждается в дополнительных научных изысканиях. Несмотря на немногочисленные фундаментальные исследования В. Э. Вацура, Н. Д. Тамарченко и других ученых, вне поля зрения литературоведов остаются факты рецепции готических романов писателями украинского происхождения [2; 3]. К числу таких писателей относится и Е. П. Гребёнка, творчество которого в целом остаётся малоизученным. Актуальность и новизна данного исследования определяются тем, что в нём впервые рассматривается связь исторической прозы Е. П. Гребенки с готической традицией.

Как известно, Е. П. Гребёнка пробовал свои силы в различных поэтических и прозаических жанрах. К написанию произведений, созданных на исторической основе, он обратился достаточно поздно – в начале 40-х годов XIX века. К этому времени в русской литературе уже сложились определённые традиции исторической прозы, которые формировались под воздействием романов В. Скотта. Свой вклад в развитие русской исторической прозы внесли М. Н. Загоскин, Ф. В. Булгарин, И. И. Лажечников, А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. В произведениях этих писателей были выработаны определённые подходы к изображению истории, представлены различные жанровые модели исторической прозы, которые появились в результате скрещивания разнородных элементов, в том числе и готических. К исторической прозе Е. П. Гребёнки исследователи, с некоторыми оговорками, относят два произведения – «Нежинский полковник Золотаренко» и «Чайковский». Повесть «Нежинский полковник Золотаренко» была опубликована в «Литературной газете» в 1842 году, а через год в «Отечественных записках» появился роман «Чайковский».

Тема Украины занимает особое место в русской литературе первой половины XIX века. История многострадальной земли, изобилующая драматическими событиями, нередко становилась предметом для художественного осмысления. Феномен популярности украинской темы в русской литературе XIX века подробно освещён в монографии В. И. Мацапуры [8]. Исследовательница отмечает, что в украинском дискурсе русской литературы первой половины XIX века можно найти множество примеров авторского мифотворчества, мифологизации и демифологизации образа Украины [8, с. 378]. Интерес русских писателей к культуре и истории Малороссии стал продолжением общеевропейских романтических тенденций, выразившихся в повышенном внимании к национальному колориту, этнографии и истории. В немалой степени увлечению украинской темой способствовали литературные факторы, среди которых следует назвать интерес к «Истории Русов или Малой России» [7] и успех произведений Гоголя. До момента публикации в 1846 году «История Русов» анонимного автора была известна по многочисленным копиям, одной из которых владел Пушкин. Написанная живым и увлекательным языком, «История Русов» оказала влияние на творчество не только Пушкина, но и Н. В. Гоголя, К. Рыльева, М. А. Максимова, Т. Г. Шевченко, П. Кулиша и многих других писателей, в том числе и Е. П. Гребёнки.

Сюжет для новой исторической повести о гибели полковника Золотаренко Е. П. Гребёнка заимствовал из «Истории Русов» [6, с. 225]. Версия событий, рассказанная неизвестным автором, представляет собой красивую легенду, которая не находит подтверждения ни у Д. Бантыш-Каменского, ни у Н. Костомарова, наиболее авторитетных историков того времени, писавших об истории Украины. Последовательность событий излагается в «Истории Русов» следующим образом: «Наказной гетман Золотаренко, возвращаясь с войском по повелению царя во внутрь Белоруссии и проходя город Старый Быхов, ружейным выстрелом, сделанным с одной колокольни от засевшего на ней католического органиста Томаша, убит до смерти, а органист признался добровольно, что подговорен к сему злодейству католическими ксёнами, кои дали ему ружейную пулю из священной чаши, по его словам, освящённую и укреплённую нарочитыми заклинаниями...» [7, с. 123]. Выстраивая фабулу произведения, Е. П. Гребёнка довольно точно следует за автором «Истории Русов». При этом он вводит в сюжетную канву вымышленную историю о любви сестры полковника Любки и польского шляхтича Францишека, тем самым мотивируя убийство главного героя причинами личного порядка.

Любовная коллизия, положенная в основу повести и выдержанная в духе романтизма, значительно драматизировала повествование. Любовь между молодыми людьми представлена автором как неистовая роковая страсть, ради которой можно переступить через все законы, а преступление против любви или отказ от неё равнозначны смерти. Ещё больше способствовало драматизации сюжета обращение к теме сверхъестественного, а также другие элементы готической поэтики, о которых речь пойдёт ниже.

Напомним, что в готических произведениях нарративная структура, как правило, усложнена, нередко используется рамочное оформление, приёмы смены рассказчиков и «текста в тексте». Автору произведения, которое свя-

зано с изображением сверхъестественных событий, важно заставить читателя верить в их истинность, поэтому он представляет несколько точек зрения на происходящее: использует отрывки из якобы существующих исторических документов и рукописей, выдержки из дневников и писем, прячется под маской рассказчика. Благодаря такой сознательной установке на достоверность фантастические элементы не кажутся столь сверхъестественными и невозможными. К этому нарративному опыту обращается и Е. П. Гребёнка. События в повести «Нежинский полковник Золотаренко» излагаются от имени автора-повествователя и рассказчика – старого казака Данилы. Функция рассказчика в тексте повести двойственна. С одной стороны, повествование от лица очевидца является свидетельством в пользу достоверности описываемых событий. С другой стороны, в нём сохраняется момент субъективности, а необычные и сверхъестественные явления можно рассматривать как результат расстроенного воображения героя-рассказчика.

В трактовке сверхъестественных событий Е. П. Гребёнка прибегает к приёму двойной мотивировки. Повесть имеет подзаголовок – «историческая быль». По замечанию В. И. Мацапуры, без исторического контекста она воспринималась бы как мистическая история [8, с. 323]. Передача исторической канвы повести связана с образом автора-повествователя, а сверхъестественные события даны в ней в восприятии старого слуги полковника – Данилы, который подчёркивает, что его история не сказка, а быль [4, с. 118]. Таким образом, «готический вектор» становится определяющим в личной истории полковника Золотаренко.

Сюжет повести основан на повторении одних и тех же элементов, то есть Е. П. Гребёнка использует принцип лейтмотивного построения. Самые страшные события в произведении связаны со светлым христианским праздником – днём Св. Веры, Надежды и Любви, который оказывается роковым днём гибели для полковника и его сестры Любки. В этот день после разлуки с любимым умирает Любка. Церковь Св. Веры, Надежды и Любви, построенная полковником в память о сестре, позже становится местом погребения для всей семьи Золотаренко. Писатель играет на контрастах. Ужасные события представлены в произведении как предопределённые свыше, что также характерно для готической поэтики, а смерть полковника кажется неизбежной.

Созданию напряжённости повествования способствует мотив дурного предчувствия, тесно связанный с фольклорным мотивом плохих примет. Впервые он встречается в эпизоде, когда казачий полк выступает в поход и конь под полковником падает на колени. Любка предчувствует и предсказывает свою смерть в день своего ангела. Предвидение скорой гибели приходит к Любке во сне, который в русле готической эстетики осмысливается как своеобразная пограничная зона между жизнью и смертью.

В образной системе повести соединились традиции двух ветвей готического романа: сентиментальной, представленной романами А. Радклиф, и френетической, берущей своё начало от «Монаха» М. Г. Льюиса. Образ готического злодея, являющийся центральным образом в готическом каноне, в повести Гребёнки как бы распадается, расщепляется на две неравные части. Так, некоторые черты злодея из романов сентиментального типа присущи полковнику Золотаренко. По крайней мере, таким он выглядит

по отношению к своей сестре Любке. Он не выполнил материнский завет: не забывать «меньшой сестры», разлучил её с любимым и стал косвенной причиной смерти сестры. В этой романтической по своему духу сюжетной ситуации – «невозможности жить без любви» – проскальзывает готический мотив «заточения девицы в темнице». Автор подчёркивает, что после бегства Францишека Любка «спала с лица, да чудно стала посматривать, да ходить пошатываясь, будто падать», то есть выглядеть как пленница, хотя её свободу никто не ограничивал. То, что она ощущала себя духовной узницей, а брата воспринимала как злодея, подтверждают её слова: «Убейте меня, братец, лучше разом, а на мучьте меня <...>. Не ругайтесь, братец, да велите копать могилу...» [4, с. 120].

Тип неистового готического злодея воплощён в образе одержимого месьтю Францишека, одевшего монашеское платье. Образ монаха восходит к древней литературной традиции и обогащён множеством дополнительных коннотаций. Монахи-злодеи, совершающие преступления, появляются на страницах многих готических романов. Например, таких как «Монахиня» Д. Дидро, «Итальянец» А. Радклиф, «Монах» М. Г. Льюиса, «Мельмот-скиталец» Ч. Р. Метьюрина и многих других. По замечанию академика М. П. Алексеева, «...изобличение всех закулисных тайн католических монастырей, деятельности монашеских орденов и религиозных общин (в особенности иезуитов) было постоянной и даже излюбленной темой английских готических романов» [1, с. 580].

Став монахом, Францишек приобрёл нечеловеческие, инфернальные черты. Контекст этого образа, лёгкость, с которой Францишеку удаётся совершать убийства, наводит на мысль о его связи с потусторонними силами, хотя в тексте повести об этом прямо не говорится. Органист Томаш сразу называет замысел убийства полковника «нечистым делом», но соглашается убить его, потому что монах пообещал позаботиться о его маленьком сыне и сделать из него великого человека. Поскольку иезуит не собирался выполнять своих обещаний, Томаш и его ребёнок погибают. В конце повести Гребёнка сгущает атмосферу ужасного. В финальном эпизоде пожара, который напоминает адское пламя, под сводами церкви сторают заживо невинные люди, которые пришли на отпевание полковника, в том числе и рассказчик Данила. За происходящим наблюдает чёрная фигура монаха, закутанная в мантию, с поднятыми кверху руками. Зрительный эффект от последнего описания таков, что фигура чёрного монаха воспринимается как превышающая обычные человеческие размеры. Автор-повествователь называет её привидением, а всё произошедшее – «кознями врага рода человеческого» [4, с. 230].

В романе «Чайковский» Е. П. Гребёнка вновь обращается к истории своей Родины. Как и Гоголь в повести «Тарас Бульба», писатель создаёт образ Украины «изнутри», глазами этнического украинца. Местом действия для своего нового романа он выбирает небольшие, хорошо знакомые ему с детства города – Пирятин, Лубны, тесно связанные с историей Запорожской Сечи. Следуя за своими предшественниками в освоении традиций В. Скотта – М. Н. Загоскиным («Юрий Милославский»), Н. В. Гоголем («Тарас Бульба»), Ф. В. Булгариным («Димитрий Самозванец», «Мазепа»), Е. П. Гребёнка выносит в название романа имя главного героя. Следует признать, что в

своём единственном историческом романе писатель ориентируется на жанровую модель В. Скотта.

Как и у английского романиста, сюжет в романе Гребёнки «Чайковский» строится вокруг судьбы вымышленного персонажа, жизненные коллизии главного героя разворачиваются на фоне исторических событий. Неслучаен выбор имени главного героя романа, он связан с семейными преданиями писателя, мать которого происходила из рода Чайковских. Главной интригой романа становится история любви Алексея-поповича к дочери лубенского полковника Марине. Пройдя через множество испытаний и искушений, выстроенных по типу готического квеста в исторических декорациях, герои обретают семейное счастье.

На своём жизненном пути Алексей-попович встречает различные типы казаков – кошевого Грицька, характерника Никиты Прихвостня, восьмидесятилетнего казака Касьяна. Несмотря на то, что образы казаков индивидуализированы, всем им присущи честность, преданность, чувства справедливости и бескорыстия, объединённые в понятие «лыцарства», которое сопоставимо с понятием «товарищества» у Гоголя. Каждый казак, повстречавшийся Алексею, вносит свою лепту в устройство его судьбы. Тем самым образы казаков в повести выполняют функцию таинственных или явных помощников главного героя, что подчёркивает авантюрный характер сюжета. Напомним, что наличие таинственных помощников характерно и для сюжета готического романа.

По мере развития авантюрного сюжета в романе «Чайковский» элементы готической поэтики усиливаются. Готическое ядро романа связано с образом Герцика, с мотивами тайны происхождения и скрытого семейного родства. С историей семьи Герцика также связаны проблемы рока, мщения и справедливого возмездия, которые являются ключевыми для проблематики готического романа.

Из предыстории героя читатель узнаёт, что после разгрома польского местечка казаками был найден шестнадцатилетний мальчик Герцик. Благодаря незаурядному уму и хитрости еврейский мальчик сумел избежать гибели и остался при полковнике чем-то «вроде шута и приятеля» [5, с. 30]. Генетическая связь образа Герцика с типом готического злодея выражается, прежде всего, в его стремлении преступным путём завладеть имуществом полковника, лишив наследства главную героиню – Марину. Напомним, что в большинстве готических романов А. Радклиф злоключения героини обусловлены желанием героя-иммoralиста завладеть её имуществом. Как герой-злодей Герцик инициирует цепь страшных событий, меняющих судьбы других героев повести. За маской радушия и привязанности к своему покровителю он скрывает изошрённые планы мести, которые ему удалось во многом реализовать. В частности, он становится причиной несчастий Марины и Алексея, смерти полковника. Другие персонажи романа не догадываются об истинной сущности приветливого и услужливого Герцика. Исключение составляет верный слуга полковника – Гадюка. Оба образа противопоставлены друг другу, построены на оппозиции «внешнего и внутреннего», по принципу «свой-чужой». По замечанию В. И. Мацапуры, автор использует говорящие фамилии [8, с. 328]. Герцик, означающий «сердечный» (от нем. *herz* – сердце), не соответствует своему имени, как

не соответствует своему мужественный и преданный Гадюка. «...Вечно без шапки, босой, нечесанный, с невымытыми руками, с нечеловеческими ногтями на руках, – пишет Е. П. Гребёнка. – На войне он всегда был за полковником с огромною палицей на плече и с фляжкой в руках; в мирное время спал, как животное, свернувшись в клубок на полу у порога полковничьей спальни, и готовил полковнику кушать» [5, с. 30]. Этот персонаж, отмеченный чертами экзотичности и экстравагантности, воплощает истинную сердечность, верность и интуицию, видит настоящую сущность Герцика.

Движущими мотивами Герцика становится не только жажда мести и обогащения, но и любовь к дочери полковника. Хорошо изучив характер своего покровителя, он приводит его к месту встречи влюблённых, в результате чего Алексей вынужден бежать на Запорожскую Сечь. Это событие становится завязкой сюжета. Марина, обрезав волосы, переодевшись в мужское платье и назвавшись именем жениха, в поисках Алексея покидает отчий дом. Она находит Алексея на Запорожской Сечи, где он исполняет почётные обязанности писаря. В это же время Герцик, прибывший на Сечь с поручением полковника, узнаёт Марину и выдает её запорожцам. Однако читатель только догадывается о роли Герцика в судьбе Марины, его тайна и мотивы поведения раскрываются только в финале романа.

Эпизод казни является одним из самых драматичных в романе. Алексея и Марину ждёт смертная казнь, поскольку пребывание женщины на территории Запорожской Сечи запрещено её законами. Запорожцы симпатизируют влюблённым и поддерживают их, в то же время они не могут нарушить неписанные законы Сечи. Автор подчёркивает благородство запорожских казаков. Никто из них не может убить женщину, поэтому казнь откладывается до тех пор, пока не привезут пленного татарина, который должен привести приговор в исполнение. Развязка драматического эпизода напоминает новеллистический пуант. Хитроумный план по спасению влюбленных придумывает кошевой. Учитывая заслуги Алексея-поповича перед запорожцами, он предлагает дать ему другое имя – Чайковский. Кошевой напоминает собравшимся о самоотверженности их боевого товарища: «...Алексей-попович сам хотел умереть за наше войско, просил, чтобы его бросили в море, лишь бы спасти наши чайки, а с чайками, известно, и наши головы – исповедывал перед Богом, морем и нами, старшинами-товарищами, свои грехи, и умилил Бога своими молитвами и тем спас наши чайки» [5, с. 92]. Мотив смены имени, несущий мифопоэтическую нагрузку, играет существенную роль в построении сюжета повести. Напомним, что имя Алексея принимает Марина, разыскивая своего жениха. В мифах многих народов получение нового имени тесно связано с обрядом инициации. Таким образом, Алексей избегает смерти и становится другим человеком.

К позднему готическому роману восходит и образ зловещей еврейки Рохли, которая выдаёт себя за цыганку-ворожею. Как и образ преступного монаха, образ цыганки-предсказательницы, начиная с романа М. Г. Льюиса «Монах», становится клишированным для многих произведений, содержащих элементы готической поэтики. Одержимая жаждой мести, полубезумная Рохля скитается по казачьим землям в поисках своих потерянных детей. Обладая тайными знаниями и искусством врачевания, она несёт смерть

всем, обратившимся за её помощью. В финале романа готические мотивы скрещиваются с элементами «неистой словесности», образуя мелодраматические эффекты. Будучи матерью Герцика, Рохля подсыпает в его рану яд и таким образом убивает своего сына. Тайна его рождения раскрывается в тот момент, когда исправить уже ничего нельзя. Самым ярким готическим маркером в романе является способ определения тайного родства с помощью сокровенного предмета. Функцию такого предмета в романе «Чайковский» выполняет священный дукат. В полном соответствии с канонами готического романа мотивы рока и справедливого возмездия за содеянные преступления играют важную роль в кульминации романа.

Таким образом, в исторической прозе Е. П. Гребёнки обнаруживается целый комплекс элементов готической поэтики, что позволяет говорить о влиянии готической традиции на его творчество. Среди наиболее узнаваемых готических элементов следует выделить присутствие сверхъестественных явлений, образы готического злодея и женщины-жертвы, готические описания природы, мотивы рокового дня, дурных предчувствий и предзнаменований, вещего сна, проклятия и мести. Оригинальное освещение Е. П. Гребёнки исторической темы заключается в том, что в его произведениях готические элементы тесно переплетены с романтическими и фольклорными. Подобная взаимосвязь разнородных мотивов свидетельствует о диффузии компонентов различных художественных систем в творчестве писателя, что в целом характерно и для литературного процесса в России в первой половине XIX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев М. П. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» / М. П. Алексеев // Мельмот Скиталец / Ч. Р. Метьюрин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – С. 563–674.
2. Вацуру В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуру. – М. : Новое литературное обозрение (Филологическое наследие), 2002. – 544 с.
3. Готическая традиция в русской литературе / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. – 349 с.
4. Гребенка Е. П. Нежинский полковник Золотаренко / Е. П. Гребенка // Гребінка Є. П. Твори : у 3 т. / Є. П. Гребінка. – К., 1981. – Т. 2. – С. 112–131.
5. Гребенка Е. П. Чайковский : роман ; повести / Е. П. Гребенка. – К. : Дніпро, 1988. – 555 с.
6. Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребёнки в контексте русско-украинских литературных связей / С. Д. Зубков – К. : Наук. думка, 1979. – 272 с.
7. История Русов или Малой России / соч. Г. Конисского. – М. : В университетской типографии, 1846. – 262 с.
8. Мацапура В. И. Украина в русской литературе первой половины XIX века / В. И. Мацапура. – Х. ; Полтава : ПОИППО, 2001. – 396 с.

ЛЮДМИЛА МАЦАПУРА

ТРАДИЦИИ ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Е. П. ГРЕБЕНКИ

В статье рассматриваются готические элементы в исторической прозе Е. П. Гребёнки, в частности в повести «Нежинский полковник Золотаренко» и романе «Чайковский». Автор статьи акцентирует внимание на сильном влиянии готической традиции на художественную структуру рассматриваемых произведений, что проявляется на всех уровнях поэтики.

Ключевые слова: готический роман, исторический роман, историческая повесть, готическая традиция, мотив, поэтика.

LUDMILA MATSAPURA

GOTHIC NOVEL TRADITIONS IN Y. P. HREBINKA'S HISTORICAL PROSE

In the paper the gothic elements in Y. P. Hrebinka's historical prose presented by the story «Nezhinsky Colonel Zolotarenko» and the novel «Tchaikovsky» are considered. The author of article focuses attention on strong influence of Gothic tradition on art structure of the considered works that is shown at all levels of poetics.

Key words: *gothic novel, historical novel, historical story, gothic tradition, motif, poetics.*

Одержано 18.09.2014 р.